

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ М. М. ПРИШВИНА О БОГЕ

НА МАТЕРИАЛАХ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

Диакон Сергей Красников

магистр теологии
аспирант кафедры филологии Московской духовной академии
141312, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
krasnikon@gmail.com

Для цитирования: Красников С., диак. Представление М. М. Пришвина о Боге на материалах дневниковых записей // Богословский вестник. 2023. № 4 (51). С. 296–313. DOI: 10.31802/GB.2023.51.4.015

Аннотация

УДК 82.091 (27-36) (821.161.1)

Цель статьи — представление взглядов писателя о Боге в дневниках в их диахроническом аспекте в период с 1908 по 1954 г.; выявление внешних и внутренних факторов, которые повлияли на переход к православному учению. Методология исследования характеризуется сочетанием биографического, герменевтического, культурно-исторического и богословского методов анализа. Автор приходит к выводу, что на протяжении всего времени ведения дневников у М. М. Пришвина прослеживается чёткая эволюция взглядов от пантеизма к православному пониманию Бога, на что существенно повлиял внутренний душевный кризис, войны XX века, революция 1917 г. и знакомство с В. Д. Лиорко.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, православие, Бог, дневник, эволюция взглядов.

M. M. Prishvin's Idea of God Based on the Materials of Diary Entries

Deacon Sergey V. Krasnikov

MA in Theology

postgraduate student at the Philology Department at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141312, Russia

krasnikon@gmail.com

For citation: Krasnikov, Sergey V., deacon. "M. M. Prishvin's Idea of God Based on the Materials of Diary Entries". *Theological Herald*, no. 4 (51), 2023, pp. 296–313 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2023.51.4.015

Abstract. The purpose of the article is to present the writer's views about God in diaries in their diachronic aspect in the period 1908–1954; to identify external and internal factors that influenced the transition to Orthodox teaching. The research methodology is characterized by a combination of biographical, hermeneutic, cultural-historical and theological methods of analysis. The author comes to the conclusion that throughout the time of keeping diaries, M. M. Prishvin traces a clear evolution of views from pantheism to the Orthodox understanding of God, which was significantly influenced by the internal spiritual crisis, the wars of the XX century, the revolution of 1917 and acquaintance with V. D. Liorko.

Keywords: M. M. Prishvin, Orthodox Christianity, God, diary, evolution of views.

Введение

Полноценная издательская деятельность дневников М. М. Пришвина без купюр и цензуры началась лишь с 1991 г. и продлилась до 2017 г. За двадцать шесть лет дневники писателя за 1905–1954 гг. вышли в следующих издательствах: «Росток» (1905–1913; 1930–1939; 1950–1954 гг.); «Московский рабочий» (1914–1922 гг.); «Русская книга» (1923–1929 гг.); «Российская политическая энциклопедия» (1940–1943 гг.) и «Новый хронограф» (1944–1949 гг.)

В связи с долгим отсутствием полного издания дневников, во многом объясняющего и дополняющего художественные произведения, ранние исследователи могли ошибочно видеть в писателе лишь язычника-пантеиста, философа, но никак не христианина, поднимающего в своих записях серьёзные религиозные вопросы.

1905–1913 гг. «Пантеист»

Одним из основных вопросов, который затрагивает в своих дневниках М. М. Пришвин, является вопрос о сущности Бога. За дневниковый период (1905–1913 гг.) писатель 413 раз использовал лексему «Бог», однако в его словоупотреблении есть ряд особенностей. Так, в 1905 г. он не использует это слово ни разу. В 1906 г. появляются первые записи, но данное словоупотребление остаётся без комментариев со стороны писателя и содержится преимущественно в услышанных и записанных им диалогах разных лиц. Первое осознанное использование слова «Бог» происходит в 1908 г., когда автор дневников впервые задаётся вопросом о Его сущности. Именно после 1908 г. писатель регулярно делает дневниковые записи, в которых размышляет о Боге. Однако в начале ведения дневника понимание Бога было особенно затруднительным. Перед писателем стоял ряд неразрешимых вопросов, связанных со способом познания и осмысления Божественной сущности.

В 1908 г. для М. М. Пришвина Бог предстаёт как тайна, подобная священнодействию в храме, где любая попытка Его постижения мирянином граничит с опасностью осквернить недоступное Существо¹. В связи с этим Бог познаётся им постепенно, путём индукции. Во время членства в Религиозно-философском обществе

1 См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. Санкт-Петербург, 2007. С. 34.

(РФО) Д. Мережковского М. Пришвин даёт первое определение сущности Бога. Для него Бог — это истина, которая обращается ложью в среде разобщённых людей². Этим писатель объясняет происхождение в РФО всякого рода споров и непонимания вокруг слова «Бог». При отсутствии единомыслия среди членов религиозного кружка писатель предпринимает попытку самостоятельного познания Бога. По мнению Я. В. Сарычева, именно разочарование в обществе Д. Мережковского послужило для автора дневников началом пантеистического восприятия мира³.

Поскольку на данном этапе жизни богоискательство М. М. Пришвина проходило вне святоотеческой традиции и учения Церкви, ему был присущ ряд заблуждений. Наиболее критическим явилось разделение Бога на два начала. Первое — бог жизни, вечной цветущей молодости, естественной радости, надежды и счастья. Именно этого бога писатель находит в своём пантеизме. А. М. Подоксенов показывает, что на данном этапе пантеизм М. М. Пришвина являет

«...светлого, “зелёного” и “солнечного”, милостивого природного Христа — Великого Пана, радостно провозглашающего: “ни в чём нет греха”»⁴.

Пантеизм писателя заключается в особом, радостном восприятии жизни, и в его личном, не церковном понимании соотносится со Христом. Переход же к цельному теистическому восприятию мира будет осуществляться не сразу, а постепенно, в предреволюционное и военное время. Причём, по свидетельству того же А. М. Подоксенова, даже тогда пантеистические символы и образы будут находить отражение в художественном творчестве писателя⁵.

Второе начало, которое выделяет М. М. Пришвин, — бог страданий, греха и безысходности. Такого бога он относит к Православной Церкви и полностью противопоставляет его богу света и радости. Об этом «тёмном» боге автор дневников отзывается следующим образом:

2 См. *Пришвин М. М.* Ранний дневник. 1905–1913. Санкт-Петербург, 2007. С. 257, 307.

3 См.: *Сарычев Я. В.* «Новое религиозное сознание» и М. Пришвин // Михаил Пришвин: актуальные вопросы изучения творческого наследия. 2003. Вып. 2. С. 178.

4 *Подоксенов А. М.* О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина // *Религиоведение*. 2007. № 4. С. 80.

5 Там же. С. 81.

«...[он] заведует святой водицей и купальней и курит ладаном возле воющих кликуш»⁶.

Подобное пренебрежительное отношение писателя к Православной Церкви вовсе не случайно. Он считал, что бог, основанный на страхе смерти и греха, на внешнем культе, является лишь церковной интерпретацией радостного бога природы. Вследствие этого певец радости жизни приходит к мнению, что настоящий Бог находится не в храмах и не в обрядах Церкви, а в природе и рядом с каждым человеком, и заключает, что

«искать Его нужно совсем близко от себя, а не в иконах и храмах»⁷.

Дневник свидетельствует о подобных попытках поиска и познания Бога вне Церкви, и первая дневниковая заметка от 1 мая 1908 г. указывает, что Его следует искать

«на границе природы и человека»⁸.

Поскольку познание Бога в лоне Церкви с её «мрачным богом» для М. М. Пришвина было неприемлемым, он приближается к Нему посредством чувств, а именно — через радость. Также ещё один из инструментов познания Бога писатель видит в творчестве. Он пишет:

«По точному плану Его творений я творю свои. Частица себя, из которой я делаю свой мир, есть частица Его...»⁹.

Последнее, как и любая активность и действие, представляются им важнейшими свойствами Божественной сущности, приближаясь к которым можно действительно постигнуть Бога¹⁰. Так в 1912 г. Пришвин познаёт Бога именно в процессе творения, о чём делает дневниковую запись 4 декабря:

«О Боге я думаю так, что Он должен быть в действии, что Он — живое творческое начало и, чтобы постигнуть Его, — [надо] действовать, как Он...»¹¹.

В вопросе личного отношения М. М. Пришвина к Богу на протяжении всего периода (1905–1913 гг.) можно выделить несколько

6 Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. Санкт-Петербург, 2007. С. 431.

7 Там же. С. 151.

8 Там же. С. 28.

9 См.: Там же. С. 236.

10 См. Там же. С. 151.

11 Там же. С. 151.

этапов. Первый (1905 г.) — совершенное отсутствие интереса к теме Бога. Второй (1906–1907 гг.) — этап актуализации, когда Пришвин начинает фиксировать первые записи о Боге преимущественно из диалогов людей. И третий (1908–1913 гг.) — этап личного поиска и осознания Божественной сущности. В это время писатель совершает для себя разделение Бога на истинного бога жизни, света и радости в пантеизме и ложного «тёмного» бога в Православной Церкви. В связи с этим отношение к Богу становится двойным. Богу красоты, радости и жизни М. М. Пришвин выказывает расположение, благоговение и любовь, а для «церковного бога» оставляет пренебрежение и критику¹². На данном этапе (1908–1913 гг.) соотносить между собой этих двух богов и прийти к теистическому восприятию мира ему не удаётся. Он пишет:

«Русский Бог [Православной Церкви. — Д. С.] страшен тем, что требует поглощения личности»¹³;

«Он требует смирения <...> Нет, никакие объяснения невозможны мне с Ним»¹⁴.

Таким образом, он по-прежнему сохраняет расположение к богу, которого нашёл для себя в пантеизме, и продолжает находиться вдали от Бога, Которого исповедует Церковь.

1914–1940 гг. «Богоискатель»

За период дневниковых записей с 1914 по 1940 г. М. М. Пришвин регулярно использует лексему «Бог» и обращается к ней более 1200 раз. Столь частое словоупотребление обусловлено целым рядом причин: началом Первой мировой войны — действия человечества вне Бога; последующей смертью матери 1 ноября 1914 г., натолкнувшей писателя на рассуждения об источнике Жизни; переходом от раннего пантеистического восприятия мира к теистическому, открывшему для него личное, интимное чувство Бога в своей жизни.

Если в 1908 г. он считал, что Бога следует искать «на границе природы и человека»¹⁵, то уже в 1915 г., в записи от 28 апреля, отмечает, что

12 См. Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. Санкт-Петербург, 2007. С. 593.

13 Там же. С. 592.

14 Там же. С. 236.

15 Там же. С. 28.

«...существо совершенное и высшее, перед которым боишься, стыдишься, стесняешься — не в людях, а лишь почивает на людях»¹⁶.

Подобное отношение М. М. Пришвина также начинает прослеживаться и в восприятии природы, которая осознаётся уже не как божество, но как творение Бога¹⁷. Однако несмотря на отход от пантеистического восприятия мира, христианское понимание Бога приходит к нему не сразу. В частности, об этом говорит в своей статье Н. И. Лишова, замечая, что на раннем этапе творчества писателя пантеистические мотивы не исчезают, но становятся для него

«...оригинальным способом соединения языческих и христианских символов и образов»¹⁸.

В связи с этим христианские взгляды формируются постепенно, со временем, под воздействием внешних факторов. В частности, таковыми являлись начало Первой мировой войны и поездка на фронт в качестве военного корреспондента в 1915–1916 гг. Так, в непосредственной близости от смерти, испытывая многочисленные неудобства, М. М. Пришвин в записи от 6 мая 1916 г. замечает:

«Чтобы принять Его, нужно домучиться до Него, и вот как ясно становится всё: нужно думать о другом, как о себе»¹⁹.

Ключевыми моментами он выделяет именно претерпевание мучения и заботу о ближнем, что становится особенно актуальным в военное время.

В 1917 г., вследствие Октябрьской революции, писатель вновь приближается к пониманию Бога таким же эмпирическим путём. В записи от 31 октября он подытоживает пережитое в революцию и отмечает особое чувство непостижимого небесного заступничества:

«Не знаю, как называется тот Бог, с которым я, оказывается, всю свою жизнь советовался, к Которому прибежал, Который вёл меня...»²⁰.

16 Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. Книга первая. Москва, 1991. С. 163.

17 Там же. С. 164.

18 Лишова Н. И. Религиозные поиски народа и интеллигенции в очерке М. М. Пришвина «За волшебным коловком» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. С. 72.

19 Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. Книга первая. С. 233.

20 Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. Книга вторая. Москва, 1994. С. 382.

Данное откровение подводит его в 1918 г. уже к христианскому пониманию Бога как Отца, Сына и Святого Духа²¹, что можно считать началом сознательного теистического восприятия мира и отхода от пантеизма.

Поиски Бога в Его православном понимании также проходили постепенно. В 1919 г. в контексте советской антирелигиозной риторики М. М. Пришвин обращает внимание на такие качества Бога, как совершенство²², любовь²³ и красоту²⁴. В 1920 г. он окончательно разрывает отношения с С. П. Коноплянцевой и возвращается к своей семье, после чего происходит изменение в понимании писателем Бога. М. М. Пришвин оставляет дневниковую запись-исповедь, в которой описывает собственный опыт богоискательства и богообщения:

«Я жду Тебя и очень тоскую, когда Ты долго не приходишь, но счастьем моему нет предела, когда Ты являешься <...> приход Твой всегда мне бывает нечаянной радостью»²⁵.

Данное откровение писателя является неслучайным. Как замечает в своей диссертации Н. В. Борисова, тема Бога является для певца природы одной из глубинных и важнейших, вокруг неё он и развивается творчество²⁶.

Теперь в отличие от периода пантеизма М. М. Пришвин воспевает не природу, но через неё — Самого Бога. Чувство божественного посещения в природе теперь сравнивается им с действием Святого Духа в праздник Пятидесятницы. В записи от 26 мая читаем:

«...на серых ветвях остается лишь несколько красных листиков, эти листики мне становятся как огненные языки Духа Святого на головах апостолов, и Ты ко мне являешься»²⁷.

Не иначе как богоискательством М. М. Пришвин объясняет и свой роман с С. П. Коноплянцевой. Об этом он пишет:

21 См.: *Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. Книга вторая.* Москва, 1994. С. 61.

22 См.: Там же. С. 228.

23 См.: Там же. С. 248.

24 См.: Там же. С. 334.

25 *Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. Книга третья.* Москва, 1995. С. 69.

26 См.: *Борисова Н. В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина: [автореф. дис... докт. филол. наук: 10.01.01].* Елец, 2002. С. 21.

27 *Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. Книга третья.* Москва, 1995. С. 69.

«Иногда я видел Тебя в женщине и любил Тебя в ней, но Ты уходил, и женщина оставалась ненужная мне...»²⁸.

Писатель отмечает, что подобные явления Бога через людей он замечал во многих, но не мог этого ясно осознать. Уже теперь он понимает, что Бог был рядом с ним во всех критических моментах, граничащих со смертью: в опасностях на фронте в 1915–1916 гг. и в личном конфликте с комиссаром Ростовцевым в 1920 г., едва не приведшем к расстрелу. Осознавая свои жизненные ошибки, М. М. Пришвин задаётся вопросом, на который также пытается найти ответ. Он пишет:

«Что же, или мне вовсе не нужно искать Тебя, ведь Ты не бываешь там, где я ищу Тебя?.. Ты приходишь как бы на зов мой, но совсем с другой стороны и не в то время, когда я зову Тебя. Да, я встречаю Тебя иногда в своих мерзостях, но если я стану делать мерзости, я наверно не найду Тебя»²⁹.

В подобном умозаключении прочитывается аллюзия на Послание апостола Павла к Римлянам (см. Рим. 5, 20 — 6, 1), с которым писатель здесь явно соглашается.

Испытав опыт богообщения и осознав всю ценность пребывания с Творцом, М. М. Пришвин предпринимает попытки удержать это состояние или найти путь, где Его можно чувствовать постоянно. Однако проблема заключается в том, что Церковь с её таинствами писатель ещё не воспринимает, и потому данный вопрос остаётся для него неразрешённым. Итак, почувствовав присутствие Бога явным образом спустя годы исканий и жизненных ошибок, он заключает:

«Я пленник, Ты мой освободитель»³⁰.

После 1920 г. размышления о Боге заметно сокращаются. Это вызвано тем, что главный вопрос, связанный с богоискательством, для него был уже разрешён. В связи с этим писатель обращает внимание на взаимоотношения человека и Бога. Так, в 1921 г. он размышляет на тему истинной свободы и рабства, после чего заключает:

28 Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. Книга третья. Москва, 1995. С. 69.

29 Там же. С. 70.

30 Там же. С. 71.

«Мы все рабы, только те, кто знает своего господина и любит, называются свободными, а кто не знает и ненавидит, настоящими рабами...»³¹.

В 1924 г. он приближается к некоторым догматическим истинам, отвечающим учению Православной Церкви. Автор дневников пишет о Боге, как о

«Бесконечном, Непознаваемом, одном в трёх лицах, в двух [ипостасях] и во всём едином»³².

Однако на пути постижения Бога М. М. Пришвину было свойственно и сомнение. В апреле 1925 г. записи начинаются с деистических рассуждений. Писатель признаёт бытие Бога, однако считает Его совершенно незаинтересованным в Своём творении и обособленным от всего окружающего мира. Вероятно, данное мнение было вызвано картиной разорения и поругания многих старинных монастырей и храмов Переславля-Залесского. В записи от 8 мая автор дневников замечает, что осмотрел «забытые Богом»

«...Федоровский монастырь, Даниловский, Никольский, Борисоглебский, Никитский, гор. Клещин, Александрову гору»³³.

По этой причине он заключает:

«... я не то что не верю в Бога, а не очень люблю Его и потому отбрасываю думу о вере в Бога как пустое занятие»³⁴.

Однако совершенно оставить рассуждения на тему Бога М. М. Пришвин не может. В записи от 30 октября, сделанной во время продолжительной командировки в Переславль-Залесский, он пишет:

«...я до того привык к Нему, и так Он вошел в мой труд, в мою жизнь, во всю мою природу, что я совершенно не отделяю Его от себя самого»³⁵.

В 1927 г. писатель конспектирует учение индийского гуру Рамакришны Парамахамсы. Специфика данных записей в том, что М. М. Пришвин пытается приблизиться к более деятельному познанию Бога. Однако после констатации Рамакришной невозможности

31 *Пришвин М. М.* Дневники. 1920–1922. Книга третья. С. 184.

32 *См.: Пришвин М. М.* Дневники. 1923–1925. Книга четвёртая. Москва, 1999. С. 196.

33 Там же. С. 283.

34 Там же. С. 285.

35 Там же. С. 343.

прикосновения к Богу и единения с Ним³⁶ автор дневников перестаёт вести конспект и заключает:

«...боюсь сказать, есть Бог или нет, знаю <...> если Бог есть, то Он придёт ко мне Сам, и я увижу Его...»³⁷.

В 1929 г. напряжённое ожидание Бога рождает в М. М. Пришвине уверенность, что «Он, Милосердный, является со временем, с годами»³⁸, и потому писатель на время прекращает вести записи. В 1932 г. в Сергиевом Посаде писатель вновь делает заметку, в которой пытается приблизиться к Его познанию. В записи от 14 ноября после прочтения «Фауста» Гёте он заключает:

«Бог — это всё, что есть, а чёрт — всё, что кажется. Бог — это образ сущего, чёрт — образ ничто. Бог — правда, чёрт — обман»³⁹.

Так автор дневника продолжает собственное познание Бога вне церковной храмовой и евхаристической традиции.

Причина же неприятия писателем Церкви и её таинств как средства единения с Богом раскрывается в 1936 г. в дневниковой записи от 27 сентября. В ней он пишет о возмущающей его власти священства над душами христиан, которая проявляется в возможности

«вязать и решить»⁴⁰.

М. М. Пришвин соглашается быть связанным только Богом, в Котором может оставаться по-настоящему свободным. Он восстает против власти пастырей, послушания им и потому сознательно избегает Церкви, продолжая искать личный путь к Богу.

В частности, на пути самостоятельного познания писатель также обращается к текстам Священного Писания. В дневнике за 1937 г., в записи от 26 июня, он отмечает ключевое место в деле личного познания Бога в Послании апостола Павла:

«Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы...» (Рим. 1, 20)⁴¹.

36 См.: *Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. Книга пятая.* Москва, 2003. С. 518.

37 Там же. С. 524.

38 См.: *Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. Книга шестая.* Москва, 2004. С. 364.

39 *Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. Книга восьмая.* Санкт-Петербург, 2009. С. 316

40 *Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937.* Санкт-Петербург, 2010. С. 331.

41 См.: Там же. С. 653.

Писатель-художник вновь понимает Бога как Творца и посредством личной творческой деятельности старается проложить к Нему путь. В 1938 г. он открывает знание о Боге уже через прочтение Экклезиаста. В записи от 31 августа М. М. Пришвин заключает:

«Именно у Экклезиаста и отдается вся жизнь суете ради подтверждения реальности Бога: только Бог не суета <...> [но] То “настоящее”, что ты сам чувствуешь во всякой суете»⁴².

В 1939 г. представления писателя о Боге формируются как антитеза пантеизму: если животное «хочется» он связывает с пантеистическим началом, то аскетическое «надо» — с Богом⁴³. М. М. Пришвин даже заключает, что

«“Надо” — это есть Бог»⁴⁴.

Здесь следует обратить внимание на то, что ключевым моментом в познании Бога он видит действенность и активность самого человека. При таком прочтении «надо» становится причиной действия и важным условием взаимосвязи между Богом и человеком, неким аналогом синергии⁴⁵. Однако в 1940 г., в начале отношений с В. Д. Лиорко, писатель коренным образом пересматривает свои предыдущие взгляды и рассуждения о Боге. Наиболее ярко показывает перемену во взглядах дневниковая запись от 11 апреля, в которой он описывает диалог со своей православной домработницей:

«Вы же веруете в Бога? — Верую, но считаю того бога, которому жертва нужна, как ты говоришь, сатаной. Я же тому Богу служу, который творит любовь на земле»⁴⁶.

Теперь он временно отрекается от своего же мнения о пути познания Бога через труд и усилие и задаётся вопросом:

«Страстная радость жизни <...> — почему это не от Бога, и даже просто не чудо явления Бога? Почему радостью жизни нельзя постигать Бога, а непременно только страданием?»⁴⁷

42 Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. Санкт-Петербург, 2010. С. 162.

43 См.: Там же. С. 344.

44 См.: Там же.

45 Там же. С. 359.

46 Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. Москва, 2012. С. 135.

47 Там же. С. 227.

1941–1954 гг. «Христианин»

На заключительном этапе ведения дневников обращение М. М. Пришвина к теме понимания Бога становится наиболее частым. Так, если в 1914–1940 гг. лексема «Бог» используется писателем 1200 раз, то в период 1941–1954 гг. количество её упоминаний возрастает до 1788 раз. Повышенный интерес писателя к данной теме во многом был вызван неоправданным ожиданием скорейшего окончания Великой Отечественной войны, а также переменой привычного образа жизни, заставившей его по-новому взглянуть на свой жизненный путь и личное отношение к Богу.

С 1941 г., находясь в эвакуации в деревне Усолье Ярославской области и слыша неутешительные новости с фронта, автор дневника с новой силой сосредотачивает внимание на теме Бога⁴⁸. В записи от 2 ноября он пишет:

«...страна пуста, как во время татар. А вот книжечки эти, Евангелие, Исаак Сириянин <...> — не уничтожишь. Значит, вот где реальность, в слове, а не в чугуне <...> Да, Слово, “и Слово бе к Богу” <...> вот теперь это нам надо, и этого довольно: Слово к Богу»⁴⁹.

Так, на новом месте М. М. Пришвин обращает особый взор на проявления Бога в жизни людей.

Как художник слова, в красоте природы и окружающих его ярославских пейзажах он узнаёт руку самого первого Художника — Творца⁵⁰. В среде же человеческого общества замечает Его спасительную десницу в судьбоносных решениях и поступках людей⁵¹. В связи с этим писатель также обращает внимание на тему чуда — «непосредственного действия силы Божией»⁵².

Проводя многочисленные параллели между современностью и Ветхим Заветом⁵³, автор дневника особенно выделяет в Боге такое свойство, как любовь. Именно её певец природы воспринимает в Боге

48 См.: *Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943.* Москва, 2012. С. 111.

49 *Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941.* Москва, 2012. С. 660.

50 См.: Там же. С. 689.

51 См.: *Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941.* С. 713; *Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943.* С. 316.

52 См.: *Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941.* С. 713–714.

53 См.: Там же. С. 692–696, 998, 714.

как созидательную, живительную силу и видит в Нём её единственный источник⁵⁴.

Знаковая перемена в чувствовании Бога произошла для писателя в 1943 г., что также совпало с началом освободительного движения СССР от фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне. В это время он перестаёт представлять Бога исключительно в рамках собственной души и по-новому открывает Его через образ Солнца, мило-сердно согревающего своими живительными лучами все людские сердца⁵⁵. В связи с этим автор дневника также пересматривает собственные представления о природе вдохновения. Теперь он относит посещение «музы» не к личному гению писателя, но к действию Творца. В записи от 7 марта он замечает об этом так:

«Когда напишется хорошо и поймёшь, что действительно вышло хорошо, то всегда бывает — себя не узнаёшь, а как будто не от себя или сверх себя это пришло. Вот это-то “сверх” и есть Божья милость, и я лично верю — это делает Бог»⁵⁶.

Это озарение также приводит М. М. Пришвина к новому взгляду на природу происхождения Евангелия и иконописи. Теперь он убеждается, что подобные памятники не могут являться лишь вымыслом художников кисти и слова, но являются настоящими свидетельствами бытия Бога⁵⁷. В 1944 г. писатель продолжает рассуждать об истинной природе всякого таланта и 22 сентября заключает:

«...всё такое чудесное, что и мы творим, начинается в Боге, а не в нас <...> Господи, научи мя творити волю Твою»⁵⁸.

С этого момента Бог становится для автора дневника не грозным Судией, не отвлечённым абстрактным понятием, но близким его пониманию Творцом, бесконечно любящим каждое Своё творение и большее из них — человека⁵⁹. В связи с новым представлением о Боге М. М. Пришвин также по-новому начинает относиться и к процессу творчества, видя в нём синергию Творца и человека⁶⁰.

54 См.: *Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943*. С. 319.

55 См.: *Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943*. С. 403, 613.

56 Там же. С. 445.

57 См.: Там же. С. 543.

58 *Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945*. Москва, 2013. С. 278.

59 См.: Там же. С. 394.

60 См.: Там же. С. 644; *Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949*. Москва, 2014. С. 432.

После победы государства в Великой Отечественной войне он в своём ощущении Бога переходит на качественно новый уровень. Автор дневника оставляет запись 11 сентября 1946 г.:

«Вообще-то, говоря: “Бога нет”, понимают, как дикарь понимает о воздухе: раз не видно, значит и нет»⁶¹.

Теперь писатель находит подтверждение бытия Божия во всём окружающем его мире, природных стихиях и человеческих взаимоотношениях⁶².

Особенную роль в деле познания Бога он отдаёт природе. В рассуждении от 8 декабря писатель, как и прп. Феодор Студит, использует образ зеркала⁶³. Отличие в подходе М. М. Пришвина заключается лишь в том, что функцию иконы, отражающей славу Бога и подтверждающей Его пришествие в мир, в большей степени исполняет природа, а не икона. Сам он пишет об этом так:

«Природа, как зеркало Божье <...> в природе, как в зеркале, мы видим себя, конечно, и Бога, поскольку и Бог живёт с нами, а если Бог нас оставит, то едва ли мы и его увидим в природе»⁶⁴.

Автор дневника приходит к вполне христианскому умозаключению и даже апеллирует к «Катехизису» свт. Филарета, замечая, что

«существо Божье постигается в разглядывании предметов нерукотворной природы»⁶⁵.

Православный взгляд писателя также прочитывается в его особой надежде на Божию милость. 1 ноября 1946 г. он теряет половину продуктовых карточек, однако делает запись, в которой нет отчаяния, но есть вера в помощь Бога:

«... принимаю это в душу, как радость: Бог мне подаст, я в это верю и это знаю <...> потому что Он очень близок...»⁶⁶.

Пришвин замечает 3 января 1948 г., что настоящее счастье и радость, в отличие от всего человеческого, возможны только в Боге⁶⁷.

61 Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. Москва, 2013. С. 282.

62 Там же. С. 278.

63 См.: Феодор Студит, прп. Творения. Т. 1. Санкт-Петербург, 1907. С. 233.

64 Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. Москва, 2013. С. 379; См.: Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. Санкт-Петербург, 2016. С. 173.

65 Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. Санкт-Петербург, 2016. С. 513; Филарет Московский, свт. Катихизис. Москва, 2013. С. 7.

66 Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. Москва, 2013. С. 346.

67 См.: Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. Москва, 2014. С. 6.

Но самая яркая запись, отражающая личное и конечное отношение писателя к Творцу, содержится в дневнике от 3 июня 1953 г. В ней, незадолго до смерти, он пишет:

«Если бы я мог сразу написать о том всём, что во мне содержится и чего всего мне самому хочется, то в этом само собой сказалось бы и всё моё отношение к Богу, и, может, был бы сам Бог»⁶⁸.

Выводы

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что начало христианского понимания Бога писателем начинается лишь в эвакуации в деревне Усолье Ярославской области во время Великой Отечественной войны. Именно с того момента певец природы открывает своё сердце для Бога, узнаёт в Нём близкого ему Творца и находит в Нём столь желанное утешение и торжество радости бытия, к чему так мучительно шёл всю свою долгую и незаурядную жизнь. Лишь после этого автор дневников впервые приходит в Церковь и начинает исповедовать Бога в русле учения Православной Церкви.

Однако из-за длительного периода жизни вне церковной ограды каждый догмат и каждая истина о Боге не принималась автором дневников беспрекословно, как непререкаемая истина. Он всегда проходил через сложный путь сомнений, рассуждений и критики, что в целом характеризует писателя скорее как ищущего, нежели глубоко воцерковлённого православного христианина, полагающегося на веру и всецело доверяющему преданию Церкви и учению святых отцов. Для него характерно пребывание в размышлениях, неудовлетворённость церковными догматами, попытка познания силами собственного разума, что находит непосредственное отражение в его дневниковых записях, преимущественно довоенного периода. Однако, несмотря на всё это, мы находим у автора дневников явное изменение в личном восприятии Бога именно в русле учения Православной Церкви. Из этого можно заключить, что М. М. Пришвин не является подлинно православным писателем, но, безусловно, является христианином, которого глубоко интересовали религиозные вопросы.

68 Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. Санкт-Петербург, 2017. С. 362.

Источники

- Пришвин М. М.* Дневники. 1914–1917. Книга первая / [вступ. ст. В. Д. Пришвиной]. Москва: Московский рабочий, 1991.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1918–1919. Книга вторая / [коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина]. Москва: Московский рабочий, 1994.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1920–1922. Книга третья / [коммент. Я. З. Гришиной]. Москва: Московский рабочий, 1995.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1923–1925. Книга четвертая. Москва: Русская книга, 1999.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1926–1927. Книга пятая. Москва: Русская книга, 2003.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1928–1929. Книга шестая. Москва: Русская книга, 2004.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1932–1935. Книга восьмая / подгот. текста, коммент. Я. З. Гришиной. Санкт-Петербург: Росток, 2009.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1936–1937 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой; статья, коммент. Я. З. Гришиной. Санкт-Петербург: Росток, 2010.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1938–1939 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой; ст., коммент. Я. З. Гришиной. Санкт-Петербург: Росток, 2010.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1940–1941 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., коммент. Я. З. Гришиной. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., комментарии Я. З. Гришиной. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1944–1945 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., коммент. Я. З. Гришиной. Москва: Новый хронограф, 2013.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1946–1947 / подгот. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; статья, коммент. Я. З. Гришиной; указ. имен В. А. Устинов. Москва: Новый хронограф, 2013.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1948–1949 / подгот. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной; указ. имен В. А. Устинов. Москва: Новый хронограф, 2014.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1950–1951 / подгот. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной. Санкт-Петербург: Росток, 2016.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1952–1954 / подгот. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной. Санкт-Петербург: Росток, 2017.
- Пришвин М. М.* Ранний дневник. 1905–1913. Санкт-Петербург: Росток, 2007.
- Феодор Студит, прп.* Творения. Т. 1. Санкт-Петербург: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1907.
- Филарет Московский, свт.* Катихизис. Москва: Сибирская благовонница, 2013.

Литература

- Борисова Н. В.* Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина: [автореф. дис... докт. филол. наук: 10.01.01]. Елец, 2002.
- Лишова Н. И.* Религиозные поиски народа и интеллигенции в очерке М. М. Пришвина «За волшебным колобком» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 32. С. 71–73.
- Подоксенов А. М.* О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина // Религиоведение. 2007. № 4. С. 79–89.
- Сарычев Я. В.* «Новое религиозное сознание» и М. Пришвин // Михаил Пришвин: актуальные вопросы изучения творческого наследия: Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. 2003. Вып. 2. С. 175–183.